ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 34.314.7
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-4-24-35

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ПОСЕЛЕНИЙ ССЫЛЬНЫХ В РЕАЛИЗАЦИИ КОЛОНИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Архипов С. В.[1]***, Шкабин Г. С.***[2]
[1]Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний
390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1, Российская Федерация
[2]Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний
125130, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, с. 1, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Осветить вопросы правовой регламентации и реализации осуществления организации поселений для ссыльных как средства колонизации окраин России в XIX в. Проанализировать практические меры и достигнутые результаты в вопросах заселения отдалённых регионов ссыльными. Рассмотреть взгляды чиновников XIX в. на проблемы организации таких поселений.
Процедура и методы. В работе использованы исторический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования.
Результаты. Проведённый анализ позволил сделать выводы об отсутствии позитивных результатов в реализации идеи организации поселений ссыльных в достижении должного колонизационного эффекта.
Теоретическая и/или практическая значимость. Расширено историко-правовое представление по вопросу организации ссылки как одного из средств колонизации окраин России, что будет способствовать дальнейшему изучению данного института.

Ключевые слова: колонизация, Сибирь, ссылка, ссыльные, поселения

EXPERIENCE IN THE ORGANIZATION OF EXILED SETTLEMENTS IN THE IMPLEMENTATION OF THE COLONIZATION POLICY OF RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

S. Arkhipov[1]***, G. Shkabin***[2]
[1]Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia
1 Sennaya ul., Ryazan 390000, Russian Federation
[2]Research Institute of the Federal Penal Service of Russia
15a-1 Narvskya ul., Moscow 125130, Russian Federation

© CC BY Архипов С. В., Шкабин Г. С., 2021.

Abstract
Aim. To highlight the issues of legal regulation and implementation of the organization of settlements for exiles as a means of colonizing the outskirts of Russia in the 19th century. To analyze practical measures and achieved results in settlement of exiles in remote regions. To consider the 19th century officials' views on the problems of organizing such settlements.
Methodology. The research uses the historical, formal-legal and comparative-legal methods.
Results. The analysis made it possible to draw conclusions about the absence of positive results in the implementation of the idea of organizing settlements of exiles in achieving the proper colonization effect.
Research implications. The historical and legal understanding of the organization of exile as one of the means of colonizing the outskirts of Russia has been expanded, which will facilitate further studying of this institution.

Keywords: colonization, Siberia, exile, exiles, settlements

Введение

В первой половине XIX в. правительство рассматривало ссылку как важный инструмент в колонизации Сибири. Стремление к её лучшей организации и реализации правительственных планов освоения окраин России обусловило поиск наиболее приемлемых для этой цели форм и методов.

В течение почти всего XIX в. в правительственных кругах России была достаточно популярна идея специально организованных поселений для ссыльных преступников. Следует предположить, что опыт создания военных поселений в период правления Александра I нашёл отражение и в проектах организации казённых поселений для ссыльных преступников. К тому же поступающие в правительство и Сенат доклады губернаторов о бедственном положении ссылаемых преступников подталкивали к выработке более рационального способа их устройства. Так, на доклад Архангельского губернатора о нищенском положении ссыльных последовал 24 января 1801 г. указ императора Сенату «О правилах содержания ссыльных Архангельской губернии», который разрешал включать ссыльных в промысловые команды с целью получения заработков для собственного обеспечения[1].

Предпосылки формирования организационно-правовых основ поселений ссыльных в достижении колонизационных целей правительства

Существовавшая к началу правления Александра I система организации ссылки, а точнее, отсутствие её, показала свою нежизнеспособность и остро поставила перед правительством проблему реорганизации института ссылки как для достижения намеченных правительством целей, так и для достойного обеспечения ссылаемых преступников. В то же время нельзя утверждать, что идея поселений была господствующей, т. к. достаточно авторитетные чиновники, например, М. М. Сперанский, не разделяли взгляда о значительной роли ссылки в колонизации удалённых территорий. Своё отрицательное отношение к штрафной колонизации Сибири он выразил и в докладе императору: «К общему населению Сибири ссыльные, вообще, мало способствуют. Большая их часть умирает без потомства и, следовательно, мнение, что Сибирь доселе была населяема или впредь может быть значительно населена ссыльными – есть самое неосновательное предубеждение»[2].

Но в зависимости от преобладания взгляда «за» или «против» эта идея получала то материальное воплощение, то относительное затишье в её реализации.

[1] Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 26. СПб., 1830. № 9730.

[2] Записка о современном состоянии ссыльных в Западной Сибири в связи с поземельными отношениями последней. Омск, 1887. С. 17.

Несомненно, интерес к этой проблеме был не случаен. В первой половине XIX в. шло становление границ Российского государства, расширялась его территория на Дальнем Востоке, в Средней Азии, в районе Алтая. Создание поселений было необходимо для закрепления удалённых территорий. Но преступный контингент не мог рассматриваться как сила, способная отстоять складывающиеся границы Российского государства. Поэтому в первую очередь создавались казацкие пограничные рубежи, которые постепенно расширяли территорию.

В начале XIX в. первый опыт организованного многочисленного переселения был связан с переселением казаков, выступающих как военная сила, с другой стороны, казачьи семьи занимались земледелием. Правительство преследовало следующие цели: создание казачьих военных опорных пунктов и заселение территорий с помощью казачьих семей и государственных крестьян, которых приписывали к казачеству. Трудности в снабжении казацких гарнизонов продовольствием и дороговизна перевозок обусловили осуществление правительством и такой меры, как перевод казаков в разряд пашенных крестьян с целью освоения территории и снабжения этих сил продовольствием. Эта мера достаточно часто применялась по мере расширения территории и перевода пограничных рубежей на новые места.

В то же время в связи с увеличением казачьих военных сил и ростом населения в этих стратегических районах обозначилась проблема обеспечения продовольствием, что естественно потребовало увеличения там крестьянского населения. В начале XIX в. к занятию хлебопашеством правительство пыталось привлечь ссылаемых преступников, отставных солдат, помещичьих крестьян «предерзкого поведения», посылаемых в зачёт рекрутов. Об этом свидетельствуют и изданные в начале XIX в. законодательные акты.

Несмотря на возникшие в начале века переселения государственных крестьян, хотя и в небольших размерах, с большим количеством ограничений, устроению ссыльных преступников в качестве земледельческого населения придавалось очень большое значение. В первую очередь правительство делало ставку на ссыльный элемент. Об этом свидетельствуют документы, обязывавшие землемеров во время межевания отводить участки земли для ссыльных из расчёта как на крестьянские семьи.

Внимание правительства к поселениям ссыльных преступников было обусловлено и тем, что эти поселения рекомендовалось устраивать, прежде всего, в отдалённых и малолюдных районах. Таким путём правительство пыталось решать несколько задач как колонизационных, так и карательного характера. Прежде всего, шло закрепление удалённых территорий созданием поселений, хотя и с не совсем благополучным населением. Эта мера имела чрезвычайное значение, т. к. в этот период ещё не произошло разграничение территорий с Китаем. Многие районы, близлежащие к Китаю, особенно в Восточной Сибири, почти не имели поселений. И хотя, как уже отмечалось, приграничные территории устраивались за счёт казачества и государственных крестьян, поселения ссыльных рекомендовалось создавать не вблизи границы, но в определённой доступности от других поселений. Следует отметить, что государственные крестьяне, согласно принятым указам, имели право выбора районов заселения, поэтому стремились к заселению мест, благоприятных для занятия земледелием, но не в Восточной Сибири. Поселения же ссыльных, прежде всего, планировалось создавать в более отдалённых районах Восточной Сибири.

Реализация идеи самообеспечения ссыльных имела огромное значение для правительства, т. к. в условиях Сибири даже полуголодное существование ссыльных требовало значительных государственных расходов. Поэтому не случайно в дискуссиях о предстоящей тюремной реформе в начале XIX в. звучали предложения о большей целесообразности, согласно экономическим расчётам, строительства современных тюрем, чем организации ссылки.

В то же время предполагалось решение вопроса об обеспечении районов Сибири продовольствием, что и обусловило выбор правительства в пользу расширения числа

земледельцев за счёт ссылаемых преступников.

Создание специальных переселений позволяло сосредоточить опасный контингент в чётко определённых границах, организовать жёсткий контроль и охрану. В то же время ссыльные преступники получали относительную свободу в рамках данного поселения, что по замыслам правительства, по сравнению с пребыванием в существовавших в России местах лишения свободы обусловило бы заинтересованность в устройстве и более эффективном труде. В то же время устройство поселений позволяло провести разграничение преступников по национальностям, вероисповеданию.

Первый неудачный опыт создания таких поселений связан с реализацией указа Павла I о направлении в Забайкальский край 10 тыс поселенцев для укрепления позиций России на границах с Китаем.

В именном указе Павла I ещё от 17 октября 1799 г. Правительствующему Сенату чётко формулировалась цель данной меры: «чтобы часть Сибири к Китаю прилегающую населить столько, чтобы не только земледелие могло там производимо быть с успехом, но и в виду удобства распространения скотоводства могли быть созданы со временем суконнные и юфтовые фабрики для распространения торговли с Китаем». Для реализации намеченных целей в 1806 г. было издано «Положение для поселений в Сибири»[1].

История разработки и принятия Положения 1806 г. представляет значительный интерес, т. к. раскрывает, с одной стороны, чёткость задач, поставленных законодателем, с другой – низкоэффективную правоприменительную практику и пренебрежительное отношение местных чиновников к законодательству. Можно предположить, что одним из последствий неудовлетворительных действий местных властей по устройству поселений для ссыльных стала реформа управления сибирскими землями.

В конце 1805 г. распоряжением Сената вопросы, относящиеся к переселению, были отнесены к компетенции Министерства внутренних дел, ввиду выявившихся негативных последствий осуществления ссылки. Министр проанализировал выполнение указа 1799 г. о поселении за Байкалом и представил Сенату подробный доклад. Согласно указу 1799 г., переселению подлежали: 1) отставные солдаты по назначению военного начальства; 2) преступники, не подлежащие по составу преступлений ссылке на каторжные работы; 3) крепостные крестьяне не старше 45 лет, которых помещики, ввиду их поведения, могли отправлять в Сибирь с зачётом за рекрут с семьями. Значительную часть переселенцев должны были составлять ссылаемые преступники. Указом определялись земли между Байкалом, Нерчинском и Кяхтою (Улан-Удэ) из расчёта по 30 десятин на душу.

Характер планируемых поселений можно представить, изучив содержание указа и прилагаемых к нему материалов доклада министра внутренних дел. Для водворения первых 2 000 душ Иркутское губернское начальство должно было создать специальные поселения: за счёт казны построить дома, приготовить все необходимое для прокормления и обзаведения переселенцев.

Сенат потребовал представить расчёты о суммах, необходимых для выполнения указа. 11 января 1800 г. бывший Иркутский военный губернатор сообщил о том, что им сделано распоряжение об отыскании за Байкалом удобных под поселение земель. Для размещения 2 000 человек потребуется 334 дома, для постройки которых можно использовать самих переселенцев. К тому же был необходим 1,5-годовой запас продовольствия и зерно на посев. Все расходы должны были составить 98 156 руб. 22 коп. Однако, как показали последующие события, в указанную сумму не были включены расходы, связанные с постройкой домов, с перевозкой продовольствия от мест закупки до места назначения и другие возникавшие расходы.

Необходимые суммы были выделены. Вместе с тем Сенат потребовал, чтобы к моменту прибытия первых переселенцев была готова третья часть названного количества жилья. Одновременно было дано

[1] ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 29. СПб., 1830. Т. XXIX. № 22189.

поручение Берг-коллегии: доставить в указанный район необходимое число земледельческих орудий и плотничьих инструментов с государственных заводов. Назначенные к поселению в Забайкалье были отправлены из всех губерний. В 1801 г. в Иркутск прибыла первая партия в количестве 1 454 человек. Однако вследствие неурожая повысились цены на хлеб, в губернии не были подготовлены требуемые Сенатом условия, поэтому Иркутское губернское начальство обратилось с просьбой задержать в Красноярском уезде Тобольской губернии двигавшихся переселенцев, пока не будут подготовлены необходимые условия к водворению в Забайкалье.

Между тем Сенату и императору стали известны ужасающие факты отношения к переселенцам. Помещичьи крестьяне вместе с жёнами и детьми были отправлены в дальний путь практически полураздетыми, без средств к существованию, поэтому вынуждены были просить подаяния, скитаясь по всей Сибирской дороге. Те, кто достиг мест назначения, находили земли неудобными и бесплодными. Более того, переселенцы не получали со стороны чиновников никакой помощи, многие без средств погибали.

На основании докладов Сената о положении с переселением, императором было сделано распоряжение, которое содержало следующие требования: 1) принятие на поселение помещичьих людей и крестьян приостановить до издания соответствующего указа; продолжить отправление только преступников; 2) тех, которые достигли Тобольской губернии, остановить, осуществив размещение в селениях и организовав работы, на время подготовки всего необходимого в Иркутской губернии; 3) находящихся в движении поселенцев остановить в губерниях Пермской, Казанской и Вятской, организовав их устройство, как это было предписано в Тобольской губернии; 4) для выяснения всех обстоятельств негативных явлений, возникших как при движении, так и при устройстве переселенцев, направить правительственного чиновника Н. О. Лабу[1].

Для исправления сложившейся ситуации и устройства поселенцев, остановленных в Тобольской и Томской губерниях, Казначейством были выделены дополнительные средства для каждой из указанных губерний.

Проведённое инспектирование подтвердило халатное отношение чиновничества на всех этапах процесса переселения. Во-первых, чиновники сибирских губерний не имели сведений о количестве находящихся на их территории переселенцев; во-вторых, было плохо организовано снабжение в пути; в-третьих, в числе поселенцев были люди, не способные к поселению: старше 45 лет, больные, дряхлые, увечные; в-четвёртых, отставные солдаты были присланы против их желания. Многие из них, по старости и немощи неспособные к поселению, просили о возвращении их к родственникам или об определении в инвалиды.

Не соответствующими требованиям были и отведённые земли: участки рассеяны на территории в 4 000 вёрст, многие из них находились на большом расстоянии друг от друга, многие совсем не пригодны для поселения. Не была готова и база для жилья: из 334 домов было построено и куплено только 35, 9 – достраивалось, для 49 – приготовлены срубы. Не было обнаружено чиновником и необходимого запаса хлеба для обеспечения первых 2 000 переселенцев.

Что касается водворённых переселенцев, как в Забайкалье, так и в Тобольской и Иркутской губерниях, Н. О. Лаба нашёл их в чрезвычайно трудном положении. Несмотря на то, что в Иркутское губернское правление были доставлены деньги, переселенцы не получили даже путевых денег. Как отмечает в отчёте Н. О. Лаба, несмотря на все правительственные подтверждения его высоких полномочий, ему приходилось сталкиваться с большими трудностями в получении необходимых сведений, относящихся к переселенцам, и выполнении данных ему поручений.

Чиновнику было представлено на осмотр 10 450 человек в Иркутской, Томской и Тобольской губерниях. Однако из этого числа было водворено в Забайкалье только

[1] ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 29. СПб., 1830. № 22189.

610 человек, остальные оставались не водворёнными.

Н. О. Лабе удалось ускорить многие процессы по подготовке необходимых условий для переселения. Во-первых, им были найдены плодородные земли, находящиеся в распоряжении Хоринских бурят, которые они согласились обменять на степи, находящиеся около их кочевий. На эти земли им были даны грамоты и план. 29 июня 1806 г. это решение было утверждено Указом императора[1].

Во-вторых, было почти всё приготовлено для водворения в Забайкалье 2 000 переселенцев: из 354 оставалось достроить 12 домов, приобретено дополнительное количество продовольствия.

В-третьих, в Томской губернии к сентябрю 1805 г. было заготовлено 216 срубов, не вывезено из леса 116 срубов, заготовлен лес в местах поселений на 123 дома, на местах рубки – на 130; куплено 7 готовых домов и на слом – 30. Приготовлена часть инструментов, куплено 45 лошадей. Самими поселянами приобретено 907 лошадей, 191 корова, 61 овца.

В отчётах чиновника, по итогам проделанной работы и в связи с будущими переселениями в Сибирь, делается достаточно нелицеприятный вывод, что «на поселение людей в Сибирь отправляемых не было доныне обращено надлежащего внимания. Совершённая почти безуспешность Забайкальского поселения в течение 6 лет служит явным тому доказательством». В прилагаемом отчёте были проанализированы причины создавшегося положения с переселением[2].

Исправляя указанные в донесениях Н. О. Лабы нарушения, касающиеся переселения отставных солдат, 6 июля 1806 г. императором был издан Указ, адресуемый Тобольскому, Томскому и Иркутскому губернаторам: «О возвращении отставных солдат, в Сибирь посланных на поселение»[3]. Как уже отмечалось, многие из отставных солдат были отправлены военным начальством помимо их желания, которые к тому же в результате возраста и состояния здоровья были не способны к поселению. На основании списка, представленного Н. О. Лабой, и после согласования средств, необходимых для возвращения в места, указанные солдатами, или для обустройства в сибирских губерниях, если там окажутся их родственники, император возложил на губернаторов контроль и «особое попечение» за отправлением людей, которые возвращались, и устройством тех, кто оставался в Сибири. Согласно указу, возвращению подлежали и люди, осуждённые за кражу в 30 руб. или только подозреваемые в этом, но по состоянию здоровья или возрасту не способные к поселению в Забайкалье.

В указе были чётко обозначены условия возвращения: малыми партиями в смежные губернии европейской части России с паспортами губернских начальств и под надзором земской полиции; снабжение необходимыми суммами для пропитания в дороге из расчета 8 коп. в сутки на каждого, предполагая 20 вёрст пути в сутки; кроме этого, предоставление по 1 повозке на 3-х человек с оплатой из казны прогонных денег.

Организация и положение ссыльных, а также других категорий людей, отправленных на поселение в Сибирь на основании указа 1799 г., были тщательно проанализированы. Как следствие изучения всех причин, обусловивших неудачи поселения в Забайкальском крае, последовал указ императора Александра I, в котором было подчёркнуто: в целях недопущения в будущем недостатков, которые существовали при поселении отправляемых в Сибирь преступников, поручить водворение в Сибирские губернии попечению гражданских губернаторов под наблюдением генерал-губернатора[4].

Результатом анализа ситуации, а также выводов, содержавшихся в отчётах Н. О. Лабы, явилось «Положение для поселения в Сибири».

[1] ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 29. СПб., 1830. № 22189.
[2] Там же.
[3] Там же. № 22204.
[4] Там же. № 22189.

Положение, в отличие от указа 1799 г., расширяло категории лиц, направляемых для переселения. В нём впервые предоставлялось право государственным крестьянам водворяться на пустопорожних удобных землях преимущественно в Томской губернии с получением от государства денежных пособий и 5-летней льготы от всех податей и повинностей. Исключение составляла воинская повинность. Выплата ссуды должна осуществляться по истечении 5-летнего срока и в течение 15 лет. Вместе с тем не было препятствий и для поселений в других сибирских губерниях.

На губернаторов была возложена обязанность содействовать водворению поселенцев в назначенные для них места и заготавливать заблаговременно всё необходимое для первоначального обзаведения: какую-то часть жилья для первоначального размещения, лес, скот, семена, хлеб, достаточный для пропитания до первой жатвы, сельскохозяйственные орудия, удобные земли. Положение определяло нормы скота, необходимого для одной семьи: 1 лошадь, 1 корова, 3 овцы, 3 свиньи. Смотрителям вменялось в обязанность следить за надлежащим использованием скота.

В пределах полномочий губернаторам была предоставлена полная свобода действий: не связанные никакими канцелярскими формальностями губернаторы были обязаны отчётностью только лишь сибирскому генерал-губернатору. В то же время в Положении подчёркивалось, что в условиях такой полноты власти все возможные недостатки и упущения были на личной ответственности губернаторов.

Для успешного выполнения возложенных на губернаторов поручений Положение определяло учреждение в штате в Томской и Иркутской губерниях специального помощника губернатора с необходимым числом канцелярских чинов и смотрителей, штат и оклады которых прилагались к документу.

Следует подчеркнуть, что главной идеей Положения были достойное обеспечение переселяемых во время пути, заботливое и немедленное устройство всех, прибывших на поселение. В связи с чем специально назначенные чиновники должны были встречать партии на границе каждой губернии и немедленно доставлять губернаторам списки о числе и состоянии переселенцев. Губернатор должен принимать меры, чтобы переселенцы, не сосредотачиваясь в большом количестве в одном месте и минуя губернские города, препровождались без остановки к месту назначения, получая всё необходимое для водворения.

Соответственно, и расходование средств, необходимых для водворения переселенцев, было в личной компетенции губернаторов, что предполагало разумное и бережливое их использование. Положение обязывало их представлять заявки на необходимые суммы заблаговременно. Отчёты по расходованию средств должны были направляться в Министерство внутренних дел, а расходные и приходные книги – в Казённые палаты для ревизии.

Несмотря на широкие полномочия губернаторов, Положение предупреждало о праве правительства периодически направлять в сибирские губернии специальных чиновников для выяснения на месте условий водворения, необходимости внесения каких-либо изменений в хозяйственную политику.

В качестве районов для колонизации Положение определяло Забайкалье, часть Иркутской губернии (Нижнеудинский уезд), часть Тобольской и Томской губерний. Положение регламентировало переселение согласно занятиям и вероисповеданиям переселенцев: людей, способных к хлебопашеству, предписывалось селить в сёлах на удобных землях, католиков и лютеран – по возможности, в обособленных селениях. Поселения преступников не должны располагаться вблизи китайской границы, только после поселений государственных крестьян. Учитывая ненадёжность поведения этой категории поселенцев, Положение рекомендовало на усмотрение губернаторов располагать в данных селениях воинские команды или казаков до окончательного водворения.

В отличие от государственных крестьян, преступники и другие ссылаемые категории получали ссуды и льготы от платежей податей и повинностей на 3 года, хотя срок погашения ссуды оставался одинаковым – 15 лет.

Анализ изложенных выше законодательных актов показывает, что в первую половину XIX в. правительство предпринимало попытки регулирования переселений не только их организацией, но и определением территорий для вселения, необходимых для экономического развития. Так, освоение Забайкалья было обусловлено необходимостью обеспечения рабочей силой Нерчинских металлургических заводов, оловянных рудников и золотых приисков. Немаловажное значение имело заселение этого района для военной защиты границы и образования поселений вдоль основных трактов, связывающих Забайкалье с западными областями Сибири и с Китаем. По данным исследователей, Москва, Нижний Новгород, Казань не только получали чай, китайские ткани и другие товары, но и сами возили в Кяхту (Улан-Удэ) сукно, плис, мишуру, металлические изделия [5, с. 52].

Созданные на основе Положения 1806 г. поселения для ссыльных не только не сократили бюджетных расходов, но и не решили вопроса о размещении ссыльного элемента. К 1822 г. в подобные поселения было водворено всего 2 769 ссыльных. В них был установлен режим «суровее знаменитых Аракчеевских военных поселений»: «рабская дисциплина» и «беспрерывно господствовал ужас и страх», что привело к массовым побегам[1].

К тому же значительные суммы, отпускаемые правительством на организацию и функционирование данных поселений, стали предметом хищений. В документе приводится факт огромного по тому времени состояния в 100 000 руб, нажитого незаконным путём исправником за счёт выделяемых государственной казной средств на поселения.

М. М. Сперанский, получивший в 1819 г. назначение генерал-губернатора Сибири, нашёл нравственный уровень и деловые качества чиновничества ужасающими. Проведённая им ревизия обнаружила, что поселения служили лишь источником незаконного обогащения для руководителей разного уровня [3, с. 16]. Подобные факты подтверждали: выводы, сделанные чиновником особых поручений Н. О. Лабой о нравственном и профессиональном состоянии сибирского чиновничества в 1806 г., были актуальны и в последующий почти 25-летний период.

Последовавшее за изданием Положения 1806 г. увеличение числа ссыльных, прежде всего административных, не сняло проблемы организации специальных поселений, несмотря на отсутствие в целом положительных оценок этого опыта [1]. В принятом в 1822 г. Уставе о ссыльных применение ссылки ограничивалось только решением суда. Вместе с тем законодательно закреплялась специальная категория ссыльных, склонная к занятию хлебопашеством и получившая название «поселенцы». Согласно утверждённому разделению, они определялись в V разряд и были предназначены для размещения в поселениях, построенных за счёт государства[2].

Следовательно, правительство не отказалось от организации поселений, но законодатель определил поселения на предпоследнее место в общей разрядности ссыльных преступников. Глава XXIX Устава о ссыльных «Поселения» указывала, что «поселения суть двух родов: 1) заведение новых селений за счёт казны, 2) приселение к прежним деревням».

Данная формулировка закона даёт основание утверждать, что законодатель ограничивал значение и место специальных поселений в системе наказаний и их роль в реализации колонизационных целей. Подтверждением вывода может служить обстоятельство, что оба варианта поселе-

[1] Записка о современном состоянии ссыльных в Западной Сибири в связи с поземельными отношениями последней. Омск, 1887. С. 55.

[2] ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 29. № 29128.

ний как бы уравниваются в своём юридическом значении.

Однако в связи расширением применения ссылки по отношению к бродягам, которые ранее направлялись на военную службу, резко увеличилось число ссыльных до 9 000–10 000 ежегодно. Выстроенная система организации ссылки, согласно Уставу о ссыльных, была полностью расстроена, т. к. максимально предполагала всего 3 000 ссыльных человек ежегодно.

Не отказываясь от идеи превращения ссылаемых преступников в хлебопашцев, правительство вновь обращается к строительству специальных поселений.

Доказательством стремления правительства урегулировать ссылку, включить ссыльных преступников в столь необходимый процесс колонизации удалённых районов, являлось решение, принятое в 1827 г., о строительстве в Енисейской губернии специальных поселений для 5 955 ссыльных. На осуществление проекта было выделено 479 927 руб., из которых 269 091 руб. были израсходованы на приобретение хозяйственных и земледельческих орудий, лошадей, коров, овец. Оставшаяся часть в размере 210 835 руб. предполагалась для выдачи поселенцам в качестве займов для приобретения двухгодичного запаса продовольствия и семян.

Проектировалось создание 22 поселений: В Каинском округе – 14, в Минусинском – 6, в Ачинском – 2. Строительство поселений находилось под непосредственным контролем Енисейского губернатора. В целом реализация проекта потребовала 10 лет [6, с. 19–20].

При устройстве поселений было сделано немало для обеспечения будущих поселенцев всем необходимым. Была даже учтена невозможность получения урожая в первый год заселения, в связи с чем по приказу начальства старожилами была распахана пашня и засеяна казёнными семенами.

С другой стороны, на случай неурожая, начиная со второго года хозяйствования, было решено создавать хлебные запасы отчислением с четвёртой части запашки. Кстати, система хлебных магазинов будет широко использоваться и в последующие периоды массовых крестьянских переселений в конце XIX в.

Главный надзор за ссыльными осуществляли смотрители казённых поселений: один – в Минусинске, другой – в Канске. Непосредственное управление колониями осуществляли старосты, полицейские обязанности – урядники с несколькими казаками, находившимися в каждом селении.

В поселениях существовали и общественные сходы, наделённые определённой властью. Но в виду регламентации поведения ссыльных сходы использовались в основном для объявления приказов или наказания провинившихся поселенцев.

К 1829 г. некоторые деревни были уже готовы к устройству в них ссыльных: построены дома, произведено размежевание земель из расчёта по 15 десятин на душу. В каждом доме предполагалось размещение 4 ссыльных, один из которых становился старшим, ответственным за заготовку всего необходимого для обеспечения и работы. В марте 1829 г. первые ссыльные были отправлены к месту назначения. Всего в этих поселениях было устроено 59 523 мужчин и 3 835 женщин[1].

Труд поселенцев был принудительным и регламентировался до мелочей приказами смотрителей. Однако, несмотря ни на жёсткую регламентацию поселенческого труда, ни на строгие приказы, жесточайшие наказания, поселения и на этот раз оказались неудачными.

Для осуществления земледельческих работ, построек при водворении ссыльных им были выданы земледельческий и плотницкий инвентарь, рабочий и рогатый скот. Но поселенцы небрежно относились к инвентарю, скоту, что требовало постоянного пополнения. Так, в одном из приказов по Сагайскому селению указывалось, что «лошади падают не от чего-либо другого, как только от собственных причин поселенцев, которые сверх бездоглядного кормления сами их беспощадно увечат» [6, с. 20].

[1] Записка о современном состоянии ссыльных в Западной Сибири в связи с поземельными отношениями последней. Омск, 1887. С. 55.

Политико-правовые взгляды российской бюрократии на организацию ссылки в колонизационной политике

В 1835 г. генерал-губернатор Восточной Сибири С. Б. Броневский писал, что в некоторых селениях «жители разбежались за неимением силы расчищать леса под пашни; много домов в жалком запустении от водворения малосильных семейств»[1].

Неудача организации поселений была в скором времени осознана и правительством. Об этом свидетельствуют и документы инспекций высоких правительственных чиновников. Так, генерал-майор В. К. Чевкин, вернувшись в 1836 г. из поездки в Сибирь, подал императору записку, в которой обосновал отсутствие какой-либо системы в организации ссылки, что сопоставимо с её полнейшим расстройством, указал на ужасающее состояние казённых поселений. Однако главную причину неудовлетворительного состояния поселений он видел в недостатке женского контингента среди ссыльных [6, с. 27].

Из 46 328 ссыльных различных разрядов, размещённых в Восточной Сибири на 1 января 1835 г., в поселениях для ссыльных находились всего 13 014 человек. Ссыльные, приселённые к деревням старожилов в Восточной Сибири, составляли 14 769 человек [6, с. 27].

Приведённые цифры свидетельствуют о стремлении правительства приобщить ссыльных к занятию земледелием и тем самым обеспечить их водворение. Однако в связи с неудачным опытом их функционирования, поселения для ссыльных вскоре были закрыты, а в 1842 г. были превращены в обычные сёла; водворённые в них люди были обложены общими крестьянскими податями.

Как отмечали впоследствии исследователи Сибири, ссылаемые преступники мало подходили под категорию упорных, трудолюбивых селян, которым предстояло неимоверным трудом поднимать целину, очищать от леса землю под пашню, а, «как только их становилось больше старожилов, они приобретали перевес во мнениях и увлекали крестьян "к разврату и пьянству"» [2, с. 41].

С другой стороны, эти поселения нуждались в постоянной опеке, финансовой помощи, строгом надзоре за поведением и нравственностью, что не могло быть осуществлено на столь значительных просторах Сибири, со сравнительно небольшим штатом чиновников и стражи. Ожидания, что с организацией поселений, получением домов в преступниках проснётся чувство хозяина, не оправдались. Более того, стремление к побегу даже в относительно свободных условиях существования, было характерной особенностью почти всех ссылаемых преступников. Тот же губернатор Енисейской губернии А. П. Степанов, восхищавшийся построенными селениями, позднее писал, что «крайне трудно изобрести со стороны казны средства, чтобы удерживать ссыльных от побегов»[2].

Вероятно, в крахе этих поселений есть и вина правительства, т. к., осуществив строительство, оно как бы снимало с себя ответственность и заботу о будущем этих поселенцев. Однако и местные власти, не получая впоследствии дополнительных ассигнований, бросали этих поселенцев на произвол судьбы.

Следует отметить, что этот негативный опыт будет иметь место и в организации крестьянских поселений в конце XIX в. Далеко не все крестьяне, бросившие всё на Родине, обреченные на самостоятельное устройство в невероятно трудных условиях, но, в отличие от ссыльных преступников, одержимые идеей иметь большее количество земли, выдерживали эти трудности.

Как уже отмечалось, к реализации идеи специальных поселений для ссыльных правительство с завидным постоянством обращалось на протяжении всего XIX в.

Хотя первоначально идея создания специальных поселений рассматривалась в связи с необходимостью освоения Восточной Сибири, тем не менее, подоб-

[1] Записка о современном состоянии ссыльных в Западной Сибири в связи с поземельными отношениями последней. Омск, 1887. С. 56.

[2] Там же.

ные поселения были созданы также и в Западной Сибири, в Томской и Тобольской губерниях.

Согласно рекомендациям законодателя устройство поселений учитывало национальность или вероисповедание. Так, в первой половине XIX в. в Тюкалинском и Тарском округах были созданы поселения из сосланных представителей сельских сословий Финляндии и прибалтийских губерний, которые даже носили соответствующие названия: Рига, Ревель, Нарва, Гельсинфорс. Под эти поселения было отведено 29 511 десятин земли. Однако к 1876 г. из приписанных 2 045 ссыльных, оседлость приобрели всего 27%, остальные находились в бегах. Яркую характеристику контингента финских поселений дал финский пастор, живший в Сибири, в письме, опубликованном в Гельсинфорской газете «Finland»: «… большею частью это пожизненно осужденные старые воры и бродяги. Часто они являются трусами, подлыми и вкрадчивыми; завидуют друг другу и до того ненадёжны, что один может из-за угла напасть на другого и убить товарища, которому недавно поклялся в дружбе и верности. Всего хуже то, что эти ссыльные оказали очень вредное влияние на колонии, где они были поселены»[1].

Как видно, независимо от национальности ссыльные преступники были мало пригодны для плодотворного труда в качестве земледельцев. Как итог создания специальных поселений следует привести характеристику, данную губернатором Н. Г. Казнаковым: «подобные колонии повлекли за собою напрасные траты денег, как случилось в Томской губернии, или же превращались в вертеп отчаянного разбоя, как происходит ныне в Еланской волости Тобольской губернии»[2].

Заключение

Неудачный опыт поселений можно отнести, на наш взгляд, и к контингенту ссыльных, определяемых на поселение, – это бродяги и ссылаемые на «житьё». По определению многих чиновников это была самая «вредная» категория ссыльных: бродяги были не склонны к физическому труду, нравственно опустившиеся, с подорванным здоровьем; ко второй категории относились разного рода шулеры, фальшивомонетчики, переходящие в города и меняющие только место своей деятельности.

Следует отметить, что и в случае организации специальных поселений местные власти и общество отмечали растлевающее влияние ссыльных на окружающее население. Общее состояние ссылки в течение всего XIX в. вызывало в правительственных кругах обсуждение вопроса о необходимости пересмотра законов, определяющих ссылку в Сибирь на поселение за незначительные преступления. Однако в силу ряда причин, и прежде всего отсутствия достаточных тюремных мест и нежелания правительства отказаться от колонизационных целей ссылки, решение этого вопроса постоянно откладывалось. Только в 1900 г. собранные материалы обусловили постановку общего вопроса о возможности отмены ссылки.

Статья поступила в редакцию 10.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипов С. В. Роль института административной ссылки в обеспечении колонизации окраин России в XIX веке: историко-правовой аспект // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 316–319. DOI: 10.26140/bgz3-2019-0804-0072
2. Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2011. 624 с.
3. Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. М. М. Сперанский в Иркутске. 1819–1822. Иркутск: Оттиск, 2016. 48 с.
4. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 88–93.

[1] Записка о современном состоянии ссыльных в Западной Сибири в связи с поземельными отношениями последней. Омск, 1887. С. 57.

[2] Там же.

5. Лебедева А. А. Из истории заселения Забайкалья и Дальнего Востока в XIX веке // Русские старожилы Сибири: историко-антропологический очерк. М., 1973. С. 50–68.
6. Саломон А. П. Ссылка в Сибирь: Очерк её истории и современного положения: Для... комис. о мероприятиях по отмене ссылки. СПб.: Тип. С.-Петерб. тюрьмы, 1900. 53 с.

REFERENCES

1. Arkhipov S. V. [The role of the institution of administrative exile in ensuring the colonization of the outskirts of Russia in the 19th century: historical and legal aspect]. In: *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2019, vol. 8, no. 4 (29), pp. 316–319. DOI: 10.26140/bgz3-2019-0804-0072
2. Dyatlov V. I., ed. *Vostok Rossii: migratsii i diaspory v pereselencheskom obshchestve. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [East of Russia: Migration and Diaspora in a Migrant Society. The frontiers of the 19th–20th and 20th–21st centuries]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2011. 624 p.
3. Dameshek I. L., Dameshek L. M. *M. M. Speransky v Irkutske. 1819–1822* [Speransky in Irkutsk. 1819–1822]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2016. 48 p.
4. Dameshek L. M., Dameshek I. L. [Siberian reform of M. M. Speransky in 1822 as a manifestation of the principles of imperial regionalism]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2018, no. 426, pp. 88–93.
5. Lebedeva A. A. [From the history of the settlement of Transbaikalia and the Far East in the 19th century]. In: *Russkie starozhily Sibiri: istoriko-antropologicheskii ocherk* [Russian old-timers of Siberia: a historical and anthropological sketch]. Moscow, 1973, pp. 50–68.
6. Salomon A. P. *Ssylka v Sibir: Ocherk ee istorii i sovremennogo polozheniya: Dlya... komis. o meropriyatiyakh po otmene ssylki* [Exile to Siberia: An essay on its history and modern situation: for... comiss. on de-referral activities]. St. Petersburg, St. Peterburgskaya tyurma Publ., 1900. 53 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Архипов Сергей Валентинович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний;
e-mail: justice4@yandex.ru

Шкабин Геннадий Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний;
e-mail: uprzn@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Arkhipov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of State and Law, International and European Law, Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia;
e-mail: justice4@yandex.ru

Gennady S. Shkabin – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Senior Researcher, Research Institute of the Federal Penal Service of Russia;
e-mail: uprzn@ya.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Архипов С. В., Шкабин Г. С. Опыт организации поселений ссыльных в реализации колонизационной политики России в первой половине XIX в.: историко-правовой аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 4. С. 24–35.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-4-24-35

FOR CITATION

Arkhipov S. V., Shkabin G. S. Experience in the Organization of Exiled Settlements in the Implementation of the Colonization Policy of Russia in the First Half of The 19th Century: Historical and Legal Aspect. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 4, pp. 24–35.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-4-24-35